

UDC 94(47)

Public Sentences by Peasants of Kursk Province in the Post-reform Period as a Source of the Activities of Peasant Public Administration

Tatyana Shishkareva

Southwest State University, Russian Federation
PhD (History), Lecturer
E-mail: karev@mail.ru

Abstract. This article is devoted to the study of peasant sentences in Kursk province as a source, which contains information on the activities of rural and volost gatherings. Peasant assemblies, being one of the institutions of peasant public administration, invoked sentences on important issues, providing the support of the community. The analyzed sentences by peasant gatherings of Kursk province in 1861–1900 reflect the full range of social, economic and legal relations in peasant societies. In addition, the sentences enable to identify internal social processes in the community, the shortcomings and contradictions in the formation and development of peasant public administration.

Keywords: peasant public administration; peasant community; rural and regional assemblies; sentence; rural municipality; mayor.

Введение. Изучение крестьянского общественного управления как формы самоорганизации крестьянской общины, получившей формальное закрепление в 1861 г., имеет большое значение для формирования современного опыта самоуправления в России. Отсутствие значимых результатов реформирования местного самоуправления и невысокие темпы развития аграрного сектора экономики современной России определяют необходимость исследований в области крестьянского самоуправления как уникального социально-правового института, воплотившего в себе демократические начала и традиционные основы жизнедеятельности крестьянских обществ.

Обширный опыт крестьянского самоуправления включает в себя практику непосредственной демократии и выборов, особенности ментальности, а также политической и правовой культуры крестьянства, сочетание обычного и формального права, социального партнерства и государственной опеки над общиной.

Материалы и методы. Методологической основой исследования являются принципы объективизма и историзма. Использование исторического подхода в исследовании крестьянского общественного управления позволяет изучить процесс развития его институтов в конкретных политико-правовых и социально-экономических условиях. Источниковая база исследования представлена источниками различного происхождения. Основную группу источников составляют архивные документы. При проведении исследования использовались документы, содержащиеся в Государственном архиве Курской области, в том числе документы фонда Курского губернатора, фонда Курского губернского присутствия, фонда Курского губернского статистического комитета, фонда Курского губернского правления, фонда волостных правлений.

Обсуждение. Учрежденное Общим положением о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости крестьянское (Далее – Общее положение) общественное управление базировалось на деятельности сельских и волостных сходов. Именно им предоставлялось право решать наиболее важные вопросы, касающиеся жизнедеятельности крестьянских обществ. Общее положение определяло перечень вопросов, подлежащих компетенции сходов. Их решение закреплялось приговором сходов. Решения сельских сходов признавались законными в том случае, если на сходе присутствовал сельский староста и не менее половины всех крестьян, имеющих право участвовать в сходах. Кроме того, для постановления приговоров по наиболее важным вопросам, как-то замена общинного пользования землей участковым или подворным, раздел мирских земель на постоянные наследственные участки, передел мирской земли, распоряжение мирским капиталом, исключение из обществ их членов, требовалось согласие не менее двух третей всех крестьян, имеющих право голоса на сходе.

Решения волостного схода признавались действительными, когда на сходе были: волостной старшина и не менее двух третей крестьян, имеющих право голоса. Все дела на волостном сходе решались по общему согласию или по большинству голосов.

Общее положение не устанавливало какой-либо обязательной формы приговоров. На практике крестьянские приговоры содержали сведения о дате, месте проведения схода, количестве присутствующих домохозяев или выборных на волостном сходе, сведения о сельском старосте или волостном старшине, присутствие которых являлось обязательным. Кроме того приговор отражал постановляемое решение. Примером приговора может являться приговор крестьян Льговского уезда Курской губернии: «1873 года мая 26 дня нижеподписавшиеся Курской губернии Льговского уезда крестьяне деревни Золотухиной, сего числа быв собраны на сельском сходе в количестве

9 домохозяев, составляющих сельский наш сход, единогласно постановили сей Приговор в том, чтобы просить распоряжения Правительства об отчислении нашего общества, состоящего из 25 ревизских душ, из Кожлянкой в Нижнедроняевскую волость, так как деревня Золотухина отстоит от Нижнедроняевской волости в 8 1/2 верстах, а от Кожлянкой волости в 15 верстах, чрез что мы терпим неудобство в делах, касающихся до волостного правления. В том и подписуемся крестьяне деревни Золотухиной Антип Сорокин, Аким Сорокин, Григорий Сорокин, Антон Сорокин, Григорий Сорокин, Иван Калугин, Петр Калугин, Филат Калугин, а вместо их неграмотных крестьянин деревни Золотухиной Кирила Михайлов Сорокин руку приложил» [1]. Этот приговор не содержит сведений о том, кто из крестьян являлся старостой, однако он присутствовал на сходе, поскольку волостное правление заверило этот приговор, о чем на приговоре была совершена надпись «1875 го года мая 26 дня приговор сей в Кожлянском волостном правлении явлен и в книгу приговоров подлинником под №31 записан в том волостном правлении, подписом и приложением печати свидетельствует волостной старшина Скрыгин, волостной писарь Критский» [2].

Сельский сход постанавливал приговоры о выборе сельских должностных лиц и назначении выборных на волостной сход, волостной сход осуществлял выборы старшины и судей волостного суда. Постановление выборных приговоров осуществлялось простым большинством или единогласно. Так, при открытии Костровской волости Рыльского уезда Курской губернии в октябре 1861 г. волостным старшиной был избран крестьянин Яков Коростелев, «в пользу которого подан 31 голос из 60, затем единодушно избраны двенадцать очередных судей волостного суда» [3].

Примером выборного приговора может служить приговор волостного схода о выборах старшины крестьян Пенской волости: «1877 г. февраля 27 дня мы нижеподписавшиеся Курской губернии Обоянского уезда Пенской волости выборные на волостной сход разных сел и деревень, быв сего числа на волостном сходе, постановили сей приговор в том, что мы с общего всех согласия избрали вновь на новое трехлетие в должность волостного старшины крестьянина Марка Емельянова Головенкина которому положено избирательных шаров 130 и свой 1, неизбирательных 6» [4].

Иногда процесс голосования осуществлялся разделением избиравших на две группы. Так, при выборе волостного старшины в Амонской волости в 1883 г. непреременный член Чарторижский, объявил собравшемуся волостному сходу, что «нужно приступить к выборам, когда же заявлено было о желании избрать прежнего волостного старшину Купреева, предложил тем, которые желают его избрать, остаться в комнате канцелярии, где находился волостной сход в числе 114 человек, нежелающим перейти в смежную комнату...» [5].

Выборы должностных лиц крестьянского самоуправления производились не только открытой подачей голосов, но и закрытой баллотировкой. В Щигровском уезде в феврале 1877 г. в шести волостях были произведены выборы волостных старшин, и из них в двух открытой подачей голосов. При рассмотрении уездным присутствием избирательных приговоров, между членами присутствия возникли прения относительно открытой подачи голосов при избрании волостных старшин. Губернское по крестьянским делам присутствие в своем докладе от 10 мая 1877 г. высказало мнение о том, что для пользы дела при выборах должностных лиц подлежит применять способ закрытого баллотирования, если волостным сходом не будет выражено желание произвести выборы открытым голосованием [6].

К ведению сельских сходов относилось постановление приговоров об исключении из общества его членов. Причинами удаления из сельского общества могли служить как совершаемые преступления, так и безнравственное, порочное поведение. Так, приговорами сельских обществ крестьяне сл. Борисовка Грайворонского уезда Курской губернии Ф. Горлач и Д. Пархоменко были удалены из общества за воровство и бродяжничество [7]. Крестьянин Н. Григорьев был удален из Рождественского сельского общества за недостойное поведение [8]. Но иногда причинами удаления из общества было сведение счетов с неудобными обществу лицами и их семьями. Кроме того, крестьянские общества имели право на постановление приговоров о непринятии в свою среду. Например, в соответствии с приговором крестьян села Малой Рыбицы на полном сходе, состоящем из 126 домохозяев был не принят в сельское общество опороченный по суду крестьянин того села Семен Жук 37 лет от роду [9].

К ведению сельского схода также относилось назначение опекунов и попечителей, а также проверка их действий. Имущество сирот, открывшееся после смерти наследодателя, подлежало описи и оценке должностными лицами крестьянского самоуправления. Сход же непосредственно принимал решение о необходимости продажи имущества, либо его части, либо же определял порядок ведения хозяйства. При этом соблюдались следующие правила: отчуждение «жизненных припасов и вещей, подверженных скорому тлению» разрешалось сельским сходом, прочее движимое и недвижимое имущество отчуждалось и закладывалось по приговорам, утвержденных губернским присутствием [10]. Рассмотрим на примере назначение опекуна над сиротами и их имуществом. В соответствии с выпиской из книги на записку приговоров о назначении опекуна Большесолдатского волостного правления за 1898 г, сельский сход крестьян села Большого Солдатченка Большесолдатченского общества Большесолдатченской волости Суджанского уезда состоящий из 391 домохозяев 30 августа 1898 г. в присутствии сельского старосты Афанасия Гридина в числе 261 домохозяев постановил приговор об избрании опекуна над оставшимися после смерти крестьянина Григория Максимова

Березуцкого, умершего 13 декабря 1896 г., имуществом и малолетним Андреем 6 лет и Гаврилой 3 лет, которым стала родная мать малолетних детей Евдокия Березуцкая. Ей и передавалось в распоряжение все имущество сирот, значащееся в описи, составленной 3 сентября 1898 г. Далее каждый год опекуна представляла обществу годовые отчеты об использовании имущества [11].

Еще одним важным направлением деятельности сельских сходов являлось разрешение семейных разделов. Первое десятилетие после реформы в Курской губернии плохо велся учет семейных разделов, в том числе и потому, что они в большинстве своем были самовольными. После принятия закона о семейных разделах в 1866 г. количество разделов резко сократилось. Однако постепенно происходило измельчение семьи. Семья с одним, двумя работниками становится не только основой формой семейной организации в общине, но и трудовой единицей. Кроме того, с увеличением количества семей, увеличилось и число домохозяев, участвующих в сельских сходах. Это приводило к омоложению состава сельского схода.

Рассмотрим на примере приговор о разделе, совершенный сельским сходом в Ново-Оскольском уезде. При разделе семьи крестьян Лавриненковых общества слободы Александровки 4 октября 1887 г., состоявшегося в результате семейного раздора образовалось две семьи. Одна состояла из 3 человек с одним работником, а другая из 11 человек с двумя работниками. Семье, возглавляемой домохозяином Семеном Лавриненковым, по разделу стало принадлежать земля в количестве 8 $\frac{1}{4}$ десятин, изба с двором, амбар, третья часть ветряной мельницы, 50 оскорей, 2 лошади и 1 жеребенок, 1 корова, 2 подтелка, 10 овец, 2 свиньи, 8 гусей, 10 кур, 2 повозки на ходу, 2 хомута, 2 седелки, 2 возжей, 2 полушубка, 1 тулуп, 2 зипуна, разной хозяйственной посуды и хлеба третью часть. Василию и Макару Лавриненковым осталось 19 $\frac{1}{4}$ десятин земли, 2 избы с двором, две части ветряной мельницы, 2 амбара, 100 оскорин, 4 лошади, 2 жеребенка, 2 коровы, 5 подтелков, 22 овцы, 3 свиньи, 16 гусей, 20 кур, 4 повозки, 4 хомута, 4 седелки, 4 возжей, 4 полушубка, 2 тулупа, 4 зипуна, разной хозяйственной посуды и хлеба две части [12]. Семейные ссоры часто служили лишь поводом к разделу, причины же лежали в новых исторических условиях, созданных крестьянской реформой. Последствием семейных разделов было не только изменение социальной структуры крестьянской общины, но и новые экономические реалии, связанные с дроблением трудовой семьи, что являлось одной из причин дальнейшего обнищания деревни.

С осуществлением семейных разделов тесно связано постановление сходами приговоров о переделе земли. Переделы земли осуществлялись, если вследствие семейных разделов число домохозяев увеличивалось, либо же число домохозяев уменьшалось, для чего поля разбивали на большее или меньшее количество полос. Приговоры о переделах земли принимались квалифицированным большинством домохозяев, участвующих в сходе. Исполнение приговоров о переделе земель на наличные души немедленно после их составления до рассмотрения жалоб крестьянскими присутствиями часто являлось предметом споров между недовольными переделом внутри общины, поскольку постановление приговоров могло быть от незаконного числа домохозяев (менее $\frac{2}{3}$), или приговором постанавливался раздел земли четвертных и подворных участков, не подлежащих разделу на души, или приговором включалась в перераспределяемую земля огородов и конопляников, также не подлежащих разделу на души, как отнесенных законом к усадебной оседлости. Поводом для недовольства часто становился передел земли, осуществленный по незаконному приговору. Приговор этот подлежал уничтожению «с разъяснением сельскому обществу, что оно должно возвратить однообщественникам своим земли в том количестве, как они владели таковыми до передела» [13].

Особый интерес представляют приговоры крестьянских сходов об общественных нуждах, благоустройстве, призрении и обучении грамоте. Они дают необходимые представления о повседневной жизни крестьян, их нуждах и устремлениях, отражая изменения быта крестьян в пореформенный период.

С учреждением сельских обществ и волостей, а также избранием должностных лиц крестьянского общественного управления в 1861 г. начался процесс открытия сельских школ в Курской губернии. Мировой посредник 3 участка Белгородского уезда 11 ноября 1861 года в своем донесении губернатору сообщал: «Временнообязанные крестьяне... совершенно поняв преобразования их быта, с большим усердием заботятся об устройстве помещений для волостей, сельских управлений, магазинов и училищ» [14]. Конечно, создание сельских училищ требовало больших затрат и зачастую было непосильным бременем для обществ. Поэтому, не во всех сельских обществах были открыты школы, иногда на всю волость приходилось по два сельских училища. В приговоре сельского схода Матвеевского общества Брусовской волости Фатежского уезда от 8 сентября 1877 г. о желании быть причисленными к Смородинской волости одной из причин перечисления являлось то, что в обществе нет училища и средств к его созданию, кроме того «ближайшая ... в Брусовской волости школа находится в селе Брусовом и отстоит ... в 10 верстах... За непосещением Брусовской школы нашими детьми... они остаются без образования» [15].

Открывшиеся школы или училища частью содержались за счет обществ, частью на средства частных лиц, а с созданием земства – за счет выделяемых им средств. Часть сельских училищ относилась к ведению Министерства народного образования, однако большее количество училищ находилось в ведении должностных лиц крестьянского самоуправления.

В связи с постепенным ухудшением материального благополучия обществ в некоторых случаях происходило закрытие сельских училищ. В связи с этим курский губернатор в своем Циркуляре от 25 февраля 1871 г. мировым посредникам указывал на необходимость обращать внимание на общественные приговоры по делам училищ, убеждать общества в необходимости сохранения обеспечения училищ, за исключением «разве особенно уважительных причин, каково обеднение общества вследствие пожаров, наводнений, повальных болезней, скотских падежей и других народных бедствий» [16]. Нехватка средств на содержание или постройку учебных заведений вынуждала крестьянские общества обращаться за единовременным или постоянным пособием. Так, приговором Дальне-Песчанского сельского общества Пушкарской волости Белгородского уезда от 16 июня 1908 было постановлено просить ...об ассигновании из губернских сумм на постройку школы безвозвратного пособия 1200 р. и ссуды 1200 руб. для постройки «однокомплектного училищного здания на 66 человек...» [17].

Деятельность сельского схода по вопросу презрения престарелых и неспособных к труду членов сельских обществ ограничивалась созданием богоугодных заведений для лиц, которые не имели родственников, либо лиц имеющих родственников, которые из-за бедности не могли оказать им помощь. Кроме того, сельский сход принимал решения об оказании помощи тем семьям, которые вследствие тяжелой болезни работника или иных причин временно лишись средств к существованию, а также о презрении сирот. Так, приговором крестьян села Устинки Шебекинской волости Белгородского уезда от 16 августа 1901 г. постановлено не менее 1/10 дохода от общественных ярмарок «употреблять на содержание и обучение бедных сирот ...остальную сумму ...половину на уплату денежных повинностей...остальную половину на благоустройства села...» [18].

Содержание призреваемых часто было затруднительно для сельских обществ. Так, при объезде волостей Новооскольского уезда в 1888 г. вице-губернатор сообщал, что Слоновское общество «имеет богадельню в купленном для сей цели доме, помещение чистое... Хотя крестьяне пользуются достаточным наделом и в среде их развиты сапожное и столярное ремесла, но за последние годы, вследствие пьянства и беспорядочной жизни, а также и неурожаев, они сильно обеднели. Я получил несколько заявлений от лиц призреваемых обществом, что им прекращена за последний год выдача денежного пособия...» [19].

Таким образом, содержание сельских школ или училищ, а также богоугодных учреждений зависело от материального благополучия крестьянских обществ и потому, сельские и волостные сходы часто вынуждены были принимать решения о закрытии учебных заведений и отказе в выделении средств на содержание призреваемых, находящихся в ведении должностных лиц сельских и волостных обществ.

В соответствии с Общими Положениями сельский сход через выборных мог осуществлять подачу жалоб и просьб по всем делам касающимся общества.

В архивных документах канцелярии губернатора и губернского по крестьянским делам присутствия содержится большое количество различного рода жалоб и прошений крестьян, значительную часть которых составляли жалобы на действия должностных лиц крестьянского общественного управления и мировых посредников. Примером тому может послужить прошение Курскому губернатору от поверенного поселян Обоянского уезда села Ржавы: «1864 года февраля 19 числа по согласию общества нашего подано было прошение с приговором общества к мировому посреднику Господину Прибыткову о том, чтобы он в участке нашем не утверждал старшиною нашего села Федора Чепурного, но он Г. Посредник, не знаем за что осердился, бросил наше прошение и сказал такими словами «вы избранные от общества, то жалуйтесь Губернатору на меня», ... просим приказать от общества нашего волостного старшину Федора Чепурного от занимаемой им должности...» [20].

Для представления своих интересов перед третьими лицами, сельское общество избирало особых поверенных и выдавало им доверенность на представление его интересов. Примером этому может послужить приговор крестьян Старооскольского уезда, содержащий следующие условия доверения: «1882 года февраля 11 дня нижеподписавшиеся Старооскольского уезда Стрелецкой волости общества государственных крестьян слободы Пушкарской быв на сельском сходе собранные по распоряжению сельского старосты от 150 дворов и 700 ревизских душ более двух третей домохозяев по разным общественным нуждам, где избрали из среды себя в общественные поверенные государственного крестьянина Ивана Стефанова Коновалова, которого уполномочивает на ведение всех наших гражданских, уголовных, административных дел во всех судебных мировых учреждениях, уездных присутствиях, волостных судах, окружном суде, судебной палате, правительствующем сенате и во всех присутственных местах и должностных лицах, для чего он может подавать прошения и другие бумаги, быть на судовождениях, выслушивать постановления и решения, изъявлять удовольствие или неудовольствие, приносить частные апелляционные и кассационные жалобы, заявлять о подлоге, отвечать по заявленному нам подлогу и по всем искам, окончивать дела миром не иначе как по согласию с нами, на что каждый раз ему будут предписаны условия действия, по сей доверенности в части или полностью, имеет право передоверить другому лицу, также уполномочиваем находиться при исполнительных действиях судебных приставов и других лиц, получать от всех мест и лиц следуемые нам деньги» [21].

Проблема представительства крестьян в высших инстанциях заключалась в том, что очень часто общества избирали малограмотных и не знающих законы поверенных, поскольку квалифицированные услуги стоили больших издержек и «крестьяне, не зная требований закона, проигрывают свои процессы часто за несоблюдением какой-либо формальности» [22].

Наиболее важными вопросами, по которым сельский и волостной сходы постановляли приговоры, были определение размера сборов на общественные расходы, раскладка казенных податей, земских и мирских сборов и натуральных повинностей, а также осуществление раскладки издельной повинности и оброка в пользу помещика по душам, по тяглам или иным способом в соответствии с местными обычаями в тех обществах, где существовала круговая порука; принятие мер к предупреждению и взысканию недоимок.

Мирские повинности поступали на нужды волости или нужды сельского общества. Помимо мирских повинностей крестьяне несли земские и казенные повинности, как денежные, так и натуральные. К казенным платежам относились подушная подать, сбор на продовольственное обеспечение, поземельный налог [23]. По уставу о земских повинностях общества крестьян, как сельские, так и волостные, исполняли обязательные земские повинности по содержанию в исправности почтовых, торговых и других больших дорог, а также их починке, по поставке подвод для развозов нижних полицейских чинов, жандармов, по перевозке больных и увечных арестантов и доставлению нижних чинов запаса армии в случае ее мобилизации к определенным местам. Кроме того, общества должны были предоставлять караульных для сопровождения арестантов, отводить или нанимать помещения для урядников, жандармов, лесных кондукторов, для проезжающих военных и гражданских чинов, а также для квартирования воинских команд, исполнение обязанностей сотских и десятских или их наём.

Раскладка платежей производилась на сельском сходе по окладным листам, получаемым из казначейства и земства, а также в соответствии с приговорами сходов, которые определяли мирские расходы. Каждому домохозяину сообщалось о сумме сборов, назначенной с него по раскладке общества и о сроках, в которые должна быть внесена сумма. Для удостоверения произведенной раскладки податей и сборов сельское общество должно было составить приговор. На самом деле многие сельские общества не только своевременно, но и вовсе иногда не делали раскладок между крестьянами. В ряде случаев ни сами общества, ни должностные лица крестьянского самоуправления не принимали мер к своевременному взысканию окладных сборов, отчего накапливалась недоимка, взыскиваемая впоследствии по распоряжению полиции. Однако считать, что неосуществление раскладок между крестьянами и как следствие неуплата податей и сборов и накопление недоимок, происходили от нежелания обществ исполнять податную повинность либо от некомпетентности и бездеятельности должностных лиц, было бы неверно. Крестьянское хозяйство, если и получило импульс в первые годы реформы, то очень быстро его растеряло. Постепенный упадок хозяйства делал крестьянина и общину в целом неплатежеспособными. Уплата всех сборов и податей, лежащих на крестьянах, зачастую становилась возможной только при наличии дополнительных заработков крестьян.

Как отмечалось ранее, законодательство не предписывало строго регламентированной формы крестьянских приговоров. Однако в случае с раскладочными приговорами, местные власти предпринимали шаги по формализации этого процесса. Так, в Курской губернии в 1892 г. была утверждена форма раскладочного приговора, который должен был содержать сведения о недоимке общества, о том, какие средства, принятые сборщиком, должны поступить на пополнение недоимки, какие средства идут на погашение текущего оклада выкупных платежей, государственного поземельного налога, губернского земского сбора, уездного земского сбора, на содержание волостного правления, на содержание училища, на сельские надобности, на содержание пожарных инструментов, на содержание пункта лошадей, на жалование должностным лицам, на ремонт общественного магазина, на молебны, на отправление новобранцев, на ведение судебных дел, на наем сторожей и другие нужды. При этом приговором определялось, какое количество денежных средств должно поступить от общественных доходов, а какое общество полагает взыскать с каждого домохозяйства по числу числящееся за каждым двором земли. Кроме этого, приговором указывались суммы страховых платежей, подлежащих уплате [24]. Примером раскладочного приговора может служить приговор о раскладке мирских расходов, постановленный в Львовском уезде Шептуховским волостным сходом, в соответствии с которым жалование волостного старшины составило 300 руб., расходы на разъездной пункт для старшины и писаря – 400 руб., на отопление здания волостного правления – 50 руб., волостному писарю назначалось жалование в размере 300 руб., помощнику волостного писаря – 120 р., на канцелярию по волостному правлению – 100 р., на канцелярию по волостному суду – 30 р., трем волостным судьям по 48 рублей, председателю волостного суда – 60 руб., сторожу волостного правления – 50 руб., рассыльному при волостном правлении 40 руб., всего 1594 руб., «каковую сумму сход разложил на число ревизских душ, именно 3370 и с каждой ревизской души приходится по 47 1/2 к., остаток же из общей суммы 6 р. 75 коп. ...в число страховых платежей здания волостного правления...» [25].

Сельский и волостной сход в соответствии с Общим Положением также осуществляли учет должностных лиц, избранных обществами, и назначал им жалование или иное вознаграждение за службу. Вопреки указанной норме, как отмечалось в Циркуляре Министерства внутренних дел от

9 июня 1875 г. Курскому губернатору сельскими обществами «не производится учетов собранных сельскими старостами и сборщиками сумм» [26]. Несмотря на многочисленные случаи растрат денежных сумм должностными лицами, их учет либо не производился обществами вовсе, либо осуществлялся формально. Формальный учет осуществлялся сходом путем голосования за произведенный самими должностными лицами учет тех сумм, которые находились в их ведении. Такая ситуация возникала в связи с тем, что крестьяне были не в состоянии в силу своей малограмотности разобраться в счетоводстве, а потому принимали на веру предлагаемый им учет денежных сумм. Чтобы изменить сложившуюся практику, губернатор в 1880 г. рекомендовал уездным присутствиям «вменить в обязанность ... предварительно ... выборов должностных лиц производить через своих членов подробный учет как волостных старшин, так и прочих должностных лиц, заведующих общественными суммам...» [27].

Что касается вознаграждения должностных лиц, то некоторые общества вовсе отказывались назначать какое-либо вознаграждение. Размер вознаграждения в тех обществах, где оно все же назначалось, зависел от занимаемой должности, от состоятельности общества и его многочисленности. Размер вознаграждения сельского старосты в некоторых обществах был номинальным, в иных же обществах был сравним с вознаграждением волостного старшины. Однако, даже в случае отсутствия вознаграждения, при занятии должности старосты сохранялась определенная выгода, так он пользовался льготами, освобождался от рекрутской повинности и телесных наказаний. Волостные судьи также не всегда получали вознаграждение, если же получали, то их вознаграждение было сопоставимо с вознаграждением старосты.

Вознаграждение одного старосты в губернии составляло от 3 руб. до 120 руб. в год. Волостные старшины, как правило, получали вознаграждение, значительно превышающее доход старосты от занимаемой им должности и наделялись большим объемом предоставляемых льгот, имея при этом более широкий круг обязанностей. При этом исполнение этих обязанностей в полной мере, в силу незнания законов и неграмотности волостных старшин, было затруднительно, вследствие чего одной из ключевых фигур в волости являлся писарь, осуществляющий делопроизводство и счетоводство в волостном правлении. Вознаграждение писаря при этом могло значительно превышать размер жалования старшины. Так, в соответствии с раскладочным приговором Ивницкого волостного схода Львовского уезда годовое жалование волостного старшины составляло 120 р., а волостного писаря – 300 руб., волостного судьи – 48 руб. [28]

К ведению волостного схода относилось также принятие решений по всем хозяйственным и общественным делам целой волости. Например, на волостном сходе от 10 мая 1867 года выборные государственные крестьяне Старооскольского уезда Долгополянкой волости «с общего и непринужденного всех согласия постановили сей приговор в том, что мы желаем предоставить в продажу на торги устроенный нами дом для приемного упокоя и для призрения заболевающих крестьян, он существовал у нас с 1863 года и находился в нем фельдшер, от которой мы больницы пользы нисколько не находили и не находим, потому что крестьяне доселе к оному обращения не имели, а только излишние нам издержки» [29]. На волостном сходе крестьяне Николаевской волости Путивльского уезда 17 января 1888 года в присутствии волостного старшины Льва Игнатьевича Приходько в количестве 84 человек постановили приговор об учреждении вспомогательной кассы и взносе в нее по 20 копеек с каждой души ежегодно «на случай каких-либо бедствий как в делах общественных, так и в хозяйствах отдельных лиц и чтобы не прибегать для займа к лицам берущих процентов 4 и даже 5 коп. с рубля в месяц»... [30].

Также крестьянские общества постановляли приговоры по всем вопросам, которые относились законодательством к их компетенции. Примером может послужить разрешение сельскими обществами открытия питейных заведений. В соответствии с Уставом о питейном сборе, раздробительная продажа крепких напитков в селениях, в черте усадебной оседлости, разрешалась не иначе как по мирским приговорам сельских обществ [31].

Из дел Курского губернского по крестьянским делам Присутствия усматривается, что сельские общества при выдаче приговоров, разрешающих частным лицам производить продажу хлебного вина, облагали лиц, которым позволяли осуществлять торговлю, денежным взносом за право такой торговли. Нередко в тех же приговорах или особых к ним условиях право питейной продажи предоставлялось исключительно одному или нескольким лицам [32]. За такую монополию предприниматели готовы были платить немалые суммы. Так, в соответствии с данными управляющего акцизными сборами Курской губернии, при открытии питейного заведения обществам платилась условная сумма, которая иногда доходила до 350 руб. серебром [33]. Указанная сумма не была предельной. Например, крестьяне села Смородинского Смородинской волости Фатежского уезда полным сельским сходом в присутствии местного сельского старосты Пеликова составили приговор на отдачу Фатежскому купцу Василию Петровичу Абрамову двух питейных заведений за 825 рублей [34].

Распространенным явлением при постановлении приговоров крестьянских сходов был обычай «иметь случай выпить магарыч...», при этом сумма могла составлять более 20 руб., «отчего крестьяне избегают брать приговоры» [35]. Примером может послужить приговор крестьян общества слободы Пушкарской о снижении арендной платы купцу Ивану Яковлевичу Дятлову. Для того, чтобы крестьяне подписали этот приговор купец приговорил при мельнице «бочонки с водкою, вином и

закусую, куда собрались с кулачного боя лица и из других мест и некоторые из них напились ...пьяными и, не помня, что было от собранных лиц по поводу Дятлова ли или другого лица написанся приговор ...» [36].

Заключение. Приговоры сельских и волостных сходов, с одной стороны отражают их компетенцию, с другой стороны позволяют выявить тенденции в развитии самоуправления крестьян. Незаконность принимаемых приговоров, беспечность в выборе должностных лиц, бездеятельность крестьянских обществ в их учете, свидетельствуют о несовершенстве самоорганизации и самоуправления в крестьянских обществах. Однако, можно говорить о существовании сильных, стабильных сельских и волостных обществ, обладающих высокой степенью организации, которые были способны обеспечить жизнедеятельность общины.

Крестьянские приговоры в полной мере отражают деятельность сельских и волостных сходов, лежавшую в основе крестьянского общественного управления. Сельские и волостные сходы выполняли важнейшую функцию социально-правового регулятора в крестьянских обществах. Несмотря на все недостатки и противоречия в становлении и развитии крестьянского общественного управления, деятельность его институтов способствовала осуществлению крестьянскими обществами своих экономических, социальных и правовых функций. Осуществление сходами выборов должностных лиц, процесс принятия решений на сходах большинством голосов, формировали опыт осуществления демократии, оказывая влияние на менталитет крестьян, на их правосознание.

Таким образом, крестьянские приговоры являются ценным источником, свидетельствующим о деятельности институтов крестьянского самоуправления. Они содержат информацию обо всем спектре жизнедеятельности крестьянской общины, практике правоприменения и социальных процессах, происходивших в крестьянских обществах.

Примечания:

1. Государственный архив Курской области (ГАКО) Ф. 68. Оп. 1. Д. 5939. Л. 320.
2. ГАКО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 5939. Л. 320
3. ГАКО. Ф. 1. Оп.1. Д. 296. Л. 188
4. ГАКО. Ф. 68. Оп. 1 л. Д. 95. Л. 4.
5. ГАКО. Ф. 68. Оп. 1 л. Д. 137. Л. 8-9.
6. ГАКО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 6535. Л. 7
7. ГАКО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 179. Л. 1.
8. ГАКО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 995. Л. 1.
9. ГАКО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 6155. Л. 142.
10. Бржеский, Н. Очерки юридического быта крестьян / Н. Бржеский. СПб.: Типография В. Киршбаума, 1902. С.9.
11. ГАКО. Ф. 188. Оп. 1. Д. 22. Л. 1.
12. ГАКО. Ф. 68. Оп. 2. Д. 2737. Л. 408.
13. ГАКО. Ф. 68. Оп. 1 л. Д. 154. Л. 57-60.
14. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 296. Л. 209.
15. ГАКО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 5940. Л. 545.
16. ГАКО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 3744. Л. 25.
17. Журналы заседаний Белгородского уездного земского собрания. XLIV очередного с 1-го по 3-е октября 1908 года и экстренного за 1 апреля 1908 года: Типография Курского губернского земства, 1909. С. 150.
18. Журналы заседаний Белгородского уездного земского собрания. XXXVII очередного с 25-го по 28-е сентября 1901 года, 1902 г.: Типография Курского губернского земства, 1903. С. 164.
19. ГАКО. Ф. 68. Оп. 2. Д. 3857. Л. 8.
20. ГАКО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 2166. Л. 3.
21. ГАКО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 8864. Л. 98.
22. ГАКО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 3119. Л. 18.
23. Книга для крестьян. Сост. П.Н. Сысоев. Углич, 1893. - С.21
24. ГАКО. Ф. 66. Оп. 1. Д. 318. Л. 166.
25. ГАКО. Ф. 66. Оп. 1. Д. 318. Л. 60.
26. ГАКО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 6044. Л. 34.
27. ГАКО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 7755. Л. 3.
28. ГАКО. Ф. 66. Оп. 1. Д. 318. Л. 52.
29. ГАКО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 2719. Л. 112.
30. ГАКО. Ф. 68. Оп. 2. Д. 4457. Л. 2.
31. ГАКО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 8840. Л. 45.
32. ГАКО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 3119. Л. 6.
33. ГАКО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 3745. Л. 33.
34. ГАКО. Ф. 68. Оп. 2. Д. 760. Л. 657
35. ГАКО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 8844. Л. 15.
36. ГАКО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 8864. Л. 96.

References:

1. GAKO (Gosudarstvennyi arkhiv Kurskoi oblasti). F. 68. Op. 1. D. 5939. L. 320.
2. GAKO. F. 68. Op. 1. D. 5939. L. 320
3. GAKO. F. 1. Op.1. D. 296. L. 188
4. GAKO. F. 68. Op. 1 l. D. 95. L. 4.
5. GAKO. F. 68. Op. 1 l. D. 137. L. 8-9.
6. GAKO. F. 68. Op. 1. D. 6535. L. 7
7. GAKO. F. 68. Op. 1. D. 179. L. 1.
8. GAKO. F. 68. Op. 1. D. 995. L. 1.
9. GAKO. F. 68. Op. 1. D. 6155. L. 142.
10. Brzheskii, N. Ocherki yuridicheskogo byta krest'yan / N. Brzheskii. SPb.: Tipografiya V. Kirshbauma, 1902. S.9.
11. GAKO. F. 188. Op. 1. D. 22. L. 1.
12. GAKO. F. 68. Op. 2. D. 2737. L. 408.
13. GAKO. F. 68. Op. 1 l. D. 154. L. 57-60.
14. GAKO. F. 1. Op. 1. D. 296. L. 209.
15. GAKO. F. 68. Op. 1. D. 5940. L. 545.
16. GAKO. F. 68. Op. 1. D. 3744. L. 25.
17. Zhurnaly zasedanii Belgorodskogo uezdnogo zemskogo sobraniya. XLIV ocherednogo s 1-go po 3-e oktyabrya 1908 goda i ekstrennogo za 1 aprelya 1908 goda.: Tipografiya Kurskogo gubernskogo zemstva, 1909. S. 150.
18. Zhurnaly zasedanii Belgorodskogo uezdnogo zemskogo sobraniya. XXXVII ocherednogo s 25-go po 28-e sentyabrya 1901 goda, 1902 g.: Tipografiya Kurskogo gubernskogo zemstva, 1903. S. 164.
19. GAKO. F. 68. Op. 2. D. 3857. L. 8.
20. GAKO. F. 68. Op. 1. D. 2166. L. 3.
21. GAKO. F. 68. Op. 1. D. 8864. L. 98.
22. GAKO. F. 68. Op. 1. D. 3119. L. 18.
23. Kniga dlya krest'yan. Sost. P.N. Sysoev. Uglich, 1893. - S.21
24. GAKO. F. 66. Op. 1. D. 318. L. 166.
25. GAKO. F. 66. Op. 1. D. 318. L. 60.
26. GAKO. F. 68. Op. 1. D. 6044. L. 34.
27. GAKO. F. 68. Op. 1. D. 7755. L. 3.
28. GAKO. F. 66. Op. 1. D. 318. L. 52.
29. GAKO. F. 68. Op. 1. D. 2719. L. 112.
30. GAKO. F. 68. Op. 2. D. 4457. L. 2.
31. GAKO. F. 68. Op. 1. D. 8840. L. 45.
32. GAKO. F. 68. Op. 1. D. 3119. L. 6.
33. GAKO. F. 68. Op. 1. D. 3745. L. 33.
34. GAKO. F. 68. Op. 2. D. 760. L. 657
35. GAKO. F. 68. Op. 1. D. 8844. L. 15.
36. GAKO. F. 68. Op. 1. D. 8864. L. 96.

УДК 94(47)

**Мирские приговоры крестьян Курской губернии
в пореформенный период как источник о деятельности
крестьянского общественного управления**

Татьяна Николаевна Шишкарева

Юго-Западный государственный университет, Российская Федерация
кандидат исторических наук, старший преподаватель
E-mail: ashishkarev@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена изучению крестьянских приговоров Курской губернии как источника, содержащего в себе информацию о деятельности сельских и волостных сходов. Анализу подвергнуты приговоры крестьянских сходов Курской губернии в пореформенный период, отражающие весь спектр общественных, хозяйственных и правовых отношений в крестьянских обществах.

Ключевые слова: крестьянское общественное управление; крестьянские общества; сельский и волостной сход; приговор.